

К.Н. Леонтьев

Панславизм на Афоне

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
К11

К.Н. Леонтьев
К11 Панславизм на Афоне / К.Н. Леонтьев – М.: Книга по Требованию, 2021. – 38 с.

ISBN 978-5-4241-2528-7

Константин Николаевич Леонтьев начинал как писатель, публицист и литературный критик, однако наибольшую известность получил как самый яркий представитель позднеславянофильской философской школы – и оставивший после себя наследие, которое и сейчас представляет ценность как одна и интереснейших страниц «традиционно русской» консервативной философии.

ISBN 978-5-4241-2528-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© К.Н. Леонтьев, 2021

Константин Леонтьев
Панславизм на Афоне

I

В предыдущих письмах моих, под заглавием «Панславизм и греки», я изложил вам свои взгляды на Восточный вопрос и на новую фазу, в которую, мне кажется, он вступил после поражения французов германскими войсками и еще более после насильственного разрешения греко-болгарского вопроса. После этого мне легче будет говорить о святой Афонской Горе и о том, как в это глухое и тихое убежище *чистого* православия пытается проникнуть национальный фанатизм эллинской политики.

Прежде всего, надо для тех, кто мало знаком с Востоком и Святыми Местами, объяснить, хоть кратко, что такое Афонская Гора и в каких отношениях состоит она к Турции и Вселенской патриархии.

Афонская Гора есть особая привилегированная провинция Турецкой империи.

Я не буду говорить о ее географическом положении – всякий сам может взглянуть на карту.

Отношение Афона к Турции можно уподобить вассальным отношениям, ибо самоуправление у него почти полное и *de jure*, и *de facto*^{1*}.

Но монахи, населяющие его, считаются подданными султана, а не какой-либо местной особой власти, как жители тех областей, которые имеют с империей лишь чисто вассальную связь.

В случае общих гражданских тяжб или обыкновенных уголовных дел монахи афонские подчинены высшим судебным и административным учреждениям Македонского вилайета.

На Афоне живет особый каймакам, турецкий чиновник, состоящий под начальством у салоницкого генерал-губернатора, то есть македонского, ибо по-турецки Македонская область называется теперь *Селаник-вилайет*.

Каймакам на Афоне имеет, собственно говоря, только полицейскую власть, да и то употребляет ее преимущественно лишь по требованию монашеского местного синода, называемого *Афонский Протат* (от греческого слова *πρώτος* – первый).

В церковном отношении, каноническом и духовно-административном, Афон зависит от константинопольского патриарха, и все монастыри его суть монастыри патриаршие, ставропигиальные, то есть независимые от местных или соседних епископов и митрополитов, например салоницкого. Всеми местными делами правит *Протат*, который состоит из двадцати членов или представителей двадцати афонских монастырей².

По внутреннему, административному своему устройству Афон похож на аристократическую республику, где аристократический элемент представляют, однако, не лица, а корпорации.

Эти корпорации суть двадцать привилегированных монастырей, имеющих право посылать в Протат представителей.

Вот их имена:

Греческие монастыри.

1) *Ватопед*; 2) *Ивер*; 3) *Эсфигмен*; 4) *Ставро-Никита*; 5) *Филофей*; 6) *Котлонуш*; 7) *Каракалл*; 8) *Григорият*; 9) *Дионисиат*; 10) *св. Павла и Георгия*; 11) *Дохиар*; 12) *Ксеноф*; 13) *Симо-Петр*; 14) *лавра св. Афанасия*; 15) *Пантократор*;

16) *Ксиропотам*; 17) *Костамонит*.

Болгарские:

18) *Зограф*; 19) *Хилендарь* (*Хилендарь* вначале был сербский, но мало-помалу болгары, как соседние по местности, заняли их место, а сербы стали все реже и реже являться на Афон)

и 20) *русский св. Пантелеймона*. (В нем, если не ошибаюсь, на пятьсот человек около полутораста греков, и сам игумен, отец Герасим, столетний грек, известный издавна в тех краях умом своим и безукоризненной святостью своей долгой и многотрудной жизни. Русскими он чрезвычайно почитаем и любим.)

Всего монашеского населения на Афоне полагается около 8–10 тысяч, не считая подвижного населения – поклонников и наемных работников из соседних местностей. Население двадцати вышеназванных монастырей составляет меньшинство. Остальные монахи расселены: 1) по скитам, то есть по обителям меньшим, не имеющим права голоса в Протате, построенным на земле которого-нибудь из *действительных*, привилегированных монастырей и более или менее зависящих от него (таковы, например, *русский скит св. Андрея* или *Серайский скит*, зависящий от Ватопеда; *скит св. Или*, тоже русский, населенный выходцами из южной России, зависимый от греков Пантократора; *Молдавский скит* и др.); 2) *по кельям и каливам*, то есть по отдельным домикам в лесу, тоже на монастырской земле и под началом монастыря. *Келья* есть жилище с домовою церковью; *калива* – домик без церкви; 3) *по наемным квартирам* в небольшом афонском городке, называемом *Карея*, где живет каймакам турецкий и заседает Протат; и, наконец, 4) *по шалашам в лесу* и *по скалам и пещерам*, иногда едва доступным.

В племенном отношении греки преобладают далеко над всеми другими элементами. Русских не насчитается и 1000 человек, болгар не более того, а молдоваляхов, грузин и сербов очень мало.

Едва ли на 9000 монахов афонских найдется две с половиной тысячи *негреков*.

Официальный язык на Афоне греческий. Уставы везде хранятся византийские и вообще хранятся строго. В славянских монастырях, Хилендаре и Зографе, ничего нет особого, кроме языка и церкви. Убранство церквей, общий чин обителей, род иконописи, церковный напев, образ жизни, образ мыслей – все такое же, как и у греков. Зограф и Хилендарь – просто перевод греческой монастырской жизни на славянский язык.

Несколько иначе живут русские в монастыре св. Пантелеймона и в Св.-Андреевском скиту. У них другое пение, иное убранство храмов; есть свои оттенки в уставе, пище, порядке, занятиях, привычках; эти обители по *внешности своей* напоминают во многом великорусские монастыри.

Общеафонскому уставу и местным преданиям эти русские обители подчиняют себя строго и беспрекословно.

Например, в монастыре св. Пантелеймона всенощные бдения выдерживаются по древнему византийскому порядку: около 4 часов каждый день, после полуночи, а под некоторые праздники по 10–12 и более часов, от захождения солнца и до рассвета, например, во всю длину долгой зимней ночи.

Относительно избрания игуменов и тому подобных вопросов внутреннего управления русские сообразуются также вполне с афонскими обычаями.

Прибавим даже, что в язык свой русские монахи допустили множество греческих и даже турецких слов, например, *фортъ* – ноша, мерка хвороста дров и т. п., *архондарик* ἀρχονταρικόν, приемная для гостей, место, где принимаются *архонты*, именитые посетители. Нет нужды, что русские ужасно искажают и уродуют греческие и турецкие слова, – из благозвучного турецкого *тэскерé* (паспорт, вид) делают *дишкир*; греческое слово ὁ ἐργάτης (работник) превращают иные в *аргат*, а другие еще красивее – в *розатый*; τὸ *архондарикόν* становится у наших *фондарик* или даже *фондаричок-с*.

Итак, за греков всё: власть, численность, язык, уставы, привычки и в особенности соседство их племени.

Русские отдалены от своей земли большим пространством и обширным морем. Греческое племя со всех сторон окружает Афон. Соседние села между Салониками и Святой Горой – все греческие. Острова Эгейского моря, Тассо, например, который виден с Афона, и столькие другие, – недалеко; границы Фессалии и самой Эллады близко, весь морской берег соседней Фракии есть даже больше греческий, чем болгарский. Города: Кавалла, Энос, Силиврия, Дарданеллы, Галлиполи – все греческие города по духу и населению.

Самые богатые монастыри на Афоне: Ватопед, Зограф и Ивер. Ватопед получает с бессарабских имений своих, по счету одних, около 90 000 руб. сер. в год, а по другим – гораздо более, до 150 000 руб. Зограф получает, кажется, около 20 000 руб. У Ивера тоже большие доходы. Кроме этих монастырей, еще *Ксирипотам* и *Святопавловская обитель* имеют в России имения с обеспеченными доходами.

Итак, между несколькими греческими обителями, имеющими *постоянные, верные* и большие доходы, мы встречаем один только *славянский* – Зограф.

Монастырь св. Пантелеймона, который называется *Русским*, или *Русском*, хотя правильнее его следовало бы звать греко-русским, имений в России не имеет; он процветает благодаря лишь одним постоянным и добровольным приношениям вкладчиков, и потому средства его далеко не так велики и не так верны, как поземельные доходы греческого Ватопеда.

Итак, к *соседству* родного племени, ко *власти*, к *численности*, к *характеру уставов и обычаев*, к *языку* надо прибавить и еще одну силу, находящуюся в руках греческого племени на Афоне, силу немаловажную – *богатство*.

Есть и еще одна греческая сила на Афоне, о которой надо упомянуть. Сама новейшая *социология* берет в расчет все *реальные*, то есть все имеющиеся в действии силы, а не одни лишь силы вещественные, материальные. Есть у греческого племени на Афоне сила, которая тому, кто знает монахов, поклонников и Афон, является силой весьма важной; это примеры *высшего аскетизма*.

В Киеве, в 1871 году, издана небольшая книжка под заглавием «Письма с Афона о современных подвижниках афонских». Автор ее – русский монах на Афоне, отец Пантелеймон, в миру Сапожников. В этой книжке изображена очень верно жизнь некоторых афонских монахов, удалившихся из обителей в неприступные скалы или хижины, построенные в самых диких местах.

Оставляя в стороне собственно духовную часть этого небольшого, но крайне любопытного сочинения, в которой говорится о чудесах, совершившихся над этими аскетами или над другими людьми, им преданными, – ибо размеры моей статьи не позволяют мне отвлекаться от главного предмета моего, – я могу за-

свидетельствовать здесь только о полной исторической верности этого изображения.

Отшельники эти действительно живут *сурово*, уединенно и добровольно нищенски, проводя все время в поражающем постничестве и молитвах.

Некоторых из них я видел сам и говорил с ними. Люди это вовсе не одичалые, как готовы, я думаю, предполагать многие невежественные порицатели монастыря, а, напротив того, большей частью светлые, ласковые, младенчески благодушные и при этом весьма самосознательные, то есть понимающие, что они делают.

Большинство этих людей – греки; есть и болгары между ними, но если устранить вопрос чисто политический, который сделал болгар врагами греков, то мы найдем между ними и греками очень мало разницы в привычках и психическом характере, особенно же на почве церковной; эти нации представляются как бы двумя телами, заряженными одинаковым электричеством и которые поэтому взаимно отталкиваются. *Культурно* эти нации до сих пор, по крайней мере, были схожи друг с другом гораздо более, нежели, например, с нами, русскими.

Образованный по-европейски болгарин более похож на такого же грека, чем на русского того же воспитания; простолудин болгарин большей частью больше похож на греческого простолудина, чем на русского; монах болгарский и монах греческий более близки друг к другу (не по сочувствию, а, так сказать, *объективно*, по нравственной физиономии), чем к монаху русскому.

К тому же все эти афонские болгары-подвижники суть болгары старого поколения, то есть дети *чисто греческого* воспитания, сыны того времени, когда для турок все христиане в империи были одно: *Рум Миллеті* (то есть *ромейский, римский* народ), а болгары и греки, вместе неся иноверную власть, знали себе только название *православных*. Итак, высшая степень монашеского *аскетизма* на Афоне принадлежит – так же, как и *власть, язык, богатство, численность* – греческому племени и отчасти его воспитанникам болгарам.

Русский набожный поклонник, которого сердце рвалось на Афон, слушая древние рассказы о подвижниках, встречает здесь свой идеал отречения и возвращается на далекую родину свою успокоенный.

«Подвижничество, добровольная нищета тела и духа не погибли еще на земле!»

И этому идеалу его, сами не зная того, послужили преимущественно греки и родственные им по прежнему воспитанию болгары.

– Какая *польза* в этом фанатизме?! – восклицает либеральный прогрессист. Понятие пользы присуще всем людям, и русский богомolec не виноват, что он *идеальнее* прогрессистов в понимании *пользы*. Он видит пользу себе в посещении такого пустычника; он видит в примерах его жизни и его удалении пользу всей Церкви; он ждет от его молитв пользы всякому человеку и всему человечеству.

Это опять *реальные факты*, против которых не может сказать никакой материализм.

Таково положение Святой Горы.

Почему же *внешние* греки так испуганы и ожесточены?

Какой панславизм увидели они на Афоне?

Прежде чем передать вкратце печальную повесть мирских, политических

интриг, искавших поселить национальную вражду на Святой Горе, которая живет своей особой, не греческой и не русской, а *православной* жизнью, я расскажу небольшую историю, случившуюся прошлым летом в окрестностях Афона.

В ней играют роль греки, русские и отчасти турки.

Она, как бы в миниатюре, изображает современное положение дел на христианском Востоке. В ней мы найдем все те черты, которые, в крупном виде, находим, разбирая нынешние отношения греков к России.

Часах в десяти-двенадцати (то есть верстах в пятидесяти) от границы Святой Горы (за которую не переступают уже женщины), на пути в Солунь, есть греческое селение *Ровяник*. Хотя имя его и славянское, но населено оно греками, как и все села, лежащие к югу от Солуны на том гористом и лесном полуострове, который выступает в Эгейское море тремя длинными косами: Саккой, Кассандрой и Афоном.

Ровяник отстроен очень недурно, имеет церкви, порядочную школу народную и вообще представляет тот веселый и вовсе не бедный вид, каким отличается большинство греческих сел в Турции. Один из приматов (глав ходжабашей) Ровяника достраивает себе огромный и высокий каменный дом, какой годился бы во всякую столицу. Вблизи от села начинается прекрасный лес широких и могучих каштанов, покрывающий на далекое пространство соседние горы. В получасе ходьбы от села, в этом прекрасном каштановом лесу находится церковь Божией Матери, обыкновенно называемой *Панагия* (Всесвятая) в *Ровяниках*. Церковь эта имеет икону, прославившуюся в стране чудесными исцелениями. Не только христиане из далеких сел, но и турки нередко приходят молиться или привозят своих больных родственников. Для отдыха этих больных построено около церкви небольшое и плохое здание о нескольких комнатах, из них же только две крошечные кельи обитаемы зимой. В этих двух маленьких кельях живут две русские монахини, обе женщины уже в годах. Одна из них приехала сюда и поселилась около Панагии уже около десяти лет тому; другая не так давно. Они обе имеют, хотя и очень скромные, но все-таки свои средства и условились с сельскими греками, которым принадлежат эта земля и эта церковь, чтоб им позволено было занимать те две комнатки.

Сверх того, при самой церкви есть небольшая пристройка, где особо живет старая гречанка, тоже монахиня.

Эта гречанка – женщина необыкновенного простодушия и самой искренней доброты.

Ее набожность и благочестие были единственной причиной возвышения этого храма. Ей приснилось, когда она еще была бедной мирялкой, что в одном высохшем колодеце неподалеку скрыта древняя икона Божией Матери, которую надо отыскать и поставить в храме. Над ней долго смеялись тогда селяне; наконец она убедила их начать поиски; икону отрыли и построили церковь; вскоре икона эта стала привлекать много богомольцев и больных. Ровяникские греки, правда, украсили церковь на первый раз; но потом, по всегдашнему обычаю всех восточных христиан (и греков одинаково), стали смотреть на нее как на источник общественных доходов села и на средство для содержания школ своих, эллинских учителей и т. п. (Все греческие селяне, заметим, очень любят учиться грамоте, преимущественно затем, что легче будто бы сделать коммерческую карьеру или, как они выражаются, *чтобы другой меня не провел*.) Все деньги, которые кладут-

ся поклонниками и богатыми в кружку церковную, селяне берут себе и на церковь не оставляют почти ничего.

Русские монахини, матери Евпраксия и Маргарита, постриглись недавно; обе они прежде жили простыми богомолками, и греки их не беспокоили. Около двух лет тому назад пришла с Дуная третья русская женщина, монахиня, давно уже постриженная, мать Магдалина из Малороссии. Она была без всяких средств, очень больна, хотя и не стара, и решилась поселиться тут потому, что отец ее, старик и тоже монах, недавно переселился на Афон, где и живет кое-как трудами рук своих в какой-то хижине.

Первые две русские женщины неграмотны и не знают ни пения, ни устава церковного.

С появлением бедной и больной Магдалины, которой иногда, без прибавления, есть было нечего, завелся кое-какой порядок в молитвах; она знала устав монашеский, пела по-русски и читала по-славянски в церкви и прожила, больная и молясь всю зиму, в одной полуразрушенной комнате строения.

Отец ее, сам крайне нуждаясь, мог существовать иногда только благодаря помощи русских духовников Пантелеймоновского монастыря. К тому же расстояние от Афона до Ровяников – около шестидесяти верст тяжелого горного пути, и леса зимой нередко целый месяц и два бывают завалены на высотах снегом.

Мать Магдалина рассказывала мне, как она иногда голодала и болела в то же время лихорадкой.

Раз ей нестерпимо хотелось есть, хлеба давно не было. Евпраксия и Маргарита были в отлучке где-то. Мать Магдалина питалась около недели зеленью. Пошла она в пустую церковь и, упав пред иконой, просила Божию Матерь или напитать ее, или уж послать ей смерть.

«Только что я заплакала и помолилась, – рассказывает Магдалина, – слышу я, звонят колокольчики на мулах и голоса. Вышла, вижу, старик один, иеромонах, грек с Афона, проезжает куда-то. Он знал меня и сейчас говорит: „А! Что ты, бедная, как живешь? Терпишь, должно быть, нужду всё“. Благословил меня и велел послушнику своему достать для меня два больших и хороших хлеба из мешка. И поехал. А я уже ела, ела этот хлеб; ем и молюсь за грека-старичка и плачу! И ем, и плачу!»

Наконец отец прислал ей немного денег, из консульства солуньского ей помогли, и она задумала построить себе около самой церкви маленькую, темную, особую хижину. Приходил на Афон какой-то русский поклонник, служивший при русских постройках в Иерусалиме. Он вызвался даром, «во славу Божию», построить ей хижинку, нужно было только согласие сельских старшин; сельские старшины почему-то долго не решались и вообще, как она и прежде замечала, смотрели на нее хуже, чем на двух других, *безграмотных*, монахинь; но наконец позволили.

Купив доски, поклонник русский начал ей строить; вдруг прибегают из села пять-шесть греческих старшин и с ними какой-то неизвестный человек в европейском платье. Они, под предводительством этого *европейца*, кидаются на бедную постройку, ломают ее, ломают вдребезги доски; гонятся за Магдалиной в церковь, ее выгоняют и вместе с ней старушку-гречанку, которая хочет отстоять Магдалину; схватывают некоторые русские (однако недорогие) иконы и все славянские церковные книги и выкидывают их вон из церкви. Старушку-гречан-

ку даже, которой сама церковь обязана своим существованием, изгоняют из ее убогого уголка, за *потворство панславизму*, как оказалось, и запирают двери церковные. Все это происходило прошлым летом после греко-болгарского разрыва.

Что же это было такое?

Пока жили тут только безграмотные русские женщины, *эллинизм* дремал. С появлением грамотной Магдалины, которая и понятия, разумеется, о политических интересах не имела и распевала в церкви, и читала часы и вечерню для спасения души, эллинизм слегка потревожился. Во всяком селе у греков есть какой-нибудь более или менее плачевный *даскал*, учитель, который всегда сумеет указать старшинам на опасность.

Но греки турецкие подданные все не то, что свободные *европейцы*! Явился таковой в лице греческого подданного, некоего купца Панайотаки, который занимался в этой стороне лесной торговлей. Он возбудил старшин ровяникских разрушить хижину и выбросить славянские книги и русские образа.

Подлomu *европейцу* этому не поздоровилось, однако, через несколько дней. Нашлись греки иных убеждений.

Дня через два-три после победы над голодной и больной панслависткой гордый *европеец* сидел в кофейне соседнего богатого села Ларигова и хвалился: «Так-то мы ее, эту скверную бабу, проучили; так их и надо всех, и русских, и болгар; особенно русских, они все болгар научают». В кофейне были и греки, и турки, сельские стражники. Все слушали молча. Только один заговорил. Это был эфирский грек в белой фустанелле, молодой человек, лет двадцати трех, атлетической наружности, щегольски одетый и с оружием за поясом. Он сидел, закутанный в бурку, в углу, потому что его в это время трясла лихорадка. Имя его было Сотир.

– Перестань ругать русских и эту бедную женщину; что она тебе сделала? – сказал грек-паликар греку-европейцу.

Тот встал.

– А ты кто такой, – воскликнул он, – чтобы меня учить?! Ты какой-нибудь турецкий райя, а я знаешь кто? Я свободный эллин!

– Не пугай меня, – отвечал ему паликар, – хоть у тебя и большие усы, а у меня их нет еще, а я тебя не боюсь. Я не хочу, чтобы при мне обижали русских; я ем русский хлеб и русского имени позорить не дам.

Сотир служил слугой на ничтожном содержании у одного русского консула, который в это время был на Афоне.

– Черт побери и тебя, и Россию, и всех русских и всех турецких подданных!..

С этими словами он схватил стул и поднял его.

Тогда паликар встал, сбросил бурку и выстрелил ему в грудь в упор из пистолета. Пистолет осекся; паликар бросил его и выхватил ятаган. Жандармы-турки удержали Сотир за руку и стали уговаривать; он отдал им ятаган и, вырвав у европейца-грека стул, начал бить его так, что растерянный завоеватель, убегая, упал на пороге кофейни и едва ушел.

Турки, отняв у Сотир опасное оружие, успокоились и не без удовольствия смотрели, как он наказывал эллинского патриота, и только слегка уговаривали его. Турки, особенно простые, пока не возбудят в них религиозного фанатизма, к русским естественно расположены; к тому же они находили, что Сотир прав,

ибо Панайотаки грубейшими словами разбил и всех турецких подданных, и консула, у которого Сотири служил, и все правительство русское. Турки же любят, чтобы люди уважали начальство и чтит правительство.

Панайотаки ушел наконец... Сотири закричал ему вслед, «что дело их еще не кончено и что он убьет его...» Панайотаки рано утром уехал в Солунь, уверяя, что едет жаловаться; вероятно же, от страха.

Недели через две появилась в царградских газетах такого рода корреспонденция:

Ларигово, такого-то числа, около села Ровяник... и т. д... «Русские, желающие завладеть издавна церковью *Панагии*, начали воздвигать себе жилища... и т. д... Жители села Ровяник, под руководством г. Панайотаки, негодянта и т. п. Во время этого спора кавас русского консула, Сотири, выстрелил из пистолета в г. Панайотаки; но русские, благодаря дружным усилиям, принуждены были, наконец, уступить... Воздадим должную честь и т. д...»

Вскоре после этого мне пришлось и самому проезжать через Ровяник. Ко мне пришел один из священников села и сказал мне, что сельские люди поручили ему просить меня, чтобы я защитил их перед русским консулом, г. Якубовским, если он будет преследовать село за обиды, учиненные Магдалине; ибо все это дело греческого подданного Панайотаки и пяти или шести старшин, от злоупотреблений которых терпят иногда и сами селяне. «Мы люди небогатые и смотрим только, как бы нам спокойнее прожить, как прокормиться. Чем нам помешала эта бедная монахиня? Пускай себе живет и молится. Но эти богатые люди, старшины, сильнее нас!» Так говорили и иные из селян слугам моим, помимо священника. Они удивлялись и греху, который позволил себе Панайотаки, бросая книги.

Магдалина ходила к лариговскому епископу и прежде еще не раз просила у него помощи; епископ очень соболезновал и хвалил ее усердие, и утешал, и обещал, но ни в чем никогда не помог и не защитил против ровяникских старшин, которые, однако, состоят в его ведении по церковным делам.

В этой истории есть решительно все, что в более широких размерах видим и в нынешних афонских делах, и в греко-русских отношениях вообще, после объявления *схизмы*, или после того, как греки вообразили, что русские и болгары – непременно одно и то же и действуют по уговору. Тут есть все, что нужно для наглядного изображения нынешних дел на Востоке, и особенно на Афоне. Есть богомольные, простейшие русские души, едва ли умеющие отличить болгарина от грека, люди, не знающие даже, о чем идет дело; есть греческие сердца столь же простые и честные, подобные старой монахине-гречанке, священнику, который пришел передавать мне об огорчении и беспокойстве большинства селян, иеромонаху афонскому греку, который так жалел Магдалину и заботился об ее нуждах; есть неверующий патриот Панайотаки, хам, трус, негодянт, который кощунственно выбрасывает даже образа и молитвенные книги; есть глупые и алчные старшины, которых он увлек угрозой, что русские после завладеют этим лесом и церковью. Есть Сотири, который помнит русский хлеб и подвергает из-за русских себя величайшей ответственности, есть хитрый и осторожный прелат греческий, который как будто ласкает Магдалину, но, вероятно, поддерживает старшин в их подозрениях; есть, наконец, нерешительная толпа селян греческих, которые не принимают участия в разорении хижины, но и не решаются помешать старшинам, а подсылают потом ко мне священника сказать, что виноваты только